

1924

В

ДОКЛАДЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АПРЕЛЬ — ИЮНЬ

COMPTES RENDUS
DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE RUSSIE

AVRIL — JUIN

357(2)

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD

Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВ и Н. Н. ПОППЕ. Из области вокализма монголо-турецкого праязыка [B. VLADIMIRCOV et N. POPPE. Sur le vocalisme du turco-mongol commun].

(Представлено академиком С. Ф. Ольденбургом в ОИФ 16 I 1924).

В то время, как система согласных в алтайских языках выяснена более или менее удовлетворительно и особенно в области монголо-турецкой, главным образом, благодаря трудам G. J. Ramstedt'a, обширное поле алтайского вокализма остается почти неразработанным, вследствие чего, появление «сравнительной грамматики алтайских языков» отодвигается в отдаленное будущее.

Выяснив в ходе нашей работы по изучению алтайских языков некоторые явления из области взаимоотношений вокализма алтайских языков, мы позволяем себе изложить вкратце основные данные, к которым мы пришли и которые нам кажутся имеющими значение для решения различных вопросов.

Наше внимание останавливает на себе следующее явление: монг. *i (> i ~ u) = тюрк. а в первом, ударном в монг., слоге. Обратившись же к языкам, близким к тюркским, но которых к последним без оговорок отнести невозможно, а именно к якутскому и чувашскому, мы замечаем, что в первом слоге монг. i (> i ~ u) = тюрк. а = якут. ā = чувашск. у < *а, причем в чувашском наблюдается палатализация предшествующего согласного, вследствие чего *t > чувашск. т'ш, *s > чув. ш, *q > чув. j.

Примеры.

1. Монг. *siḡa* «желтый»; тюрк.: ком., осм. *saḡi*, уйг. *saḡiγ id.*; чувашск. *шурă* «белый»; срв. венг. *sár* (= *šár*) в разных *composita* со значением «желтый».

2. Монг. *nil-bu-sun* «слеза»; тюрк.: ком., крм., осм., дж. *yaš id.*; чувашск. *сул id.*

3. Монг. *niḡai* «поворожденный, новый, свежий»; мандж. *niyaḡun* «новый, свежий, зеленый»; тюрк.: орх., ком., осм. *yaḡ* «весна»; чуваш. *сур id.*; якут. *сас id.*

4. Монг. **tila-γun* > *čila-γun* «камень»; тюрк.: орх., уйг., осм., дж. *taš id.*; чувашск. *т'шул id.*; якут. *tāc id.*

5. Монг. **bī-i* > *bui*¹ «есть, существующий»; тюрк.: орх., дж. *ba-r*, кыр. *бар id.*; чув. *пур id.*; якут. *бār id.*

¹ Монг. суфф. причастия наст.-буд. вр. -i, срв. *ayisui* «приближается», *odui* «уходит», *dagui* «следующий, тотчас за тем» и т. д. Тюрк. форма *bar* образована при помощи суфф. наст.-буд. вр.-г.

6. Монг. *qirmaγ > kir-maγ «мелкий снег, иней»; тюрк. все нар. qar, кар «снег»; чув. jur < *k'ur id.; якут. k^xar id.

7. Монг. ёir- < *tir- «тащить, влечь»; тюрк. все нар. тарт- < tar-t «тянуть»; чув. турт < *тарт- < тюрк. id.

Соответствие якут. ā и чуваш. у обратило на себя в свое время внимание V. Grønbach'a, создавшего теорию, согласно которой пра-тюркские долгие гласные оказали в османском влиянии на согласный, следующий за этим гласным, таким образом, что глухой согласный под влиянием долготы стал звонким, например, як. āc «голод» и осм. aq- < *āc id. В чувашском долгий гласный повлиял, наоборот, на согласный anlaut'a, палатализовав его, срв. чуваш. t'шул «камень» и якут. tās id. Якутская же долгота обязана, по Grønbach'у, своим происхождением стяжению двух гласных в один долгий после исчезновения *i, и формы, как tās восходят, согласно этой теории, к *tajaš¹. Однако, значительное число случаев этой теорией не может быть объяснено, ибо якут. ā соответствует также чуваш. у без палатализации предшествующего согласного: срв. якут. k^xās «гусь» и чув. хур id., которое Grønbach считает заимствованием из индо-европейск. языков (op. cit., p. 69), что, однако, невозможно в виду соответствий монгольск. γala-γun «гусь» и тунгусск. дахурек. кару id., каковых примеров можно привести много.

В действительности, здесь наблюдаются отражения различных пра-языковых фонем и даже комплексов, а именно:

1) *ja > чув. anl. ju, монг. i, тюрк. a, якут. ā. В anlaut'e j в чувашск. исчезает, но палатализуется за то предшествующий согласный.

2) *ā > чув. у, тюрк. a, якут. ā.

Наконец, была в пра-языке еще фонема *á, отражающаяся в тюрк. диал. как a, в чувашск. и якутск. как ы, срв. 1) чув. ыл- «брат»; якут. ыл- id.; тюрк. все диал. ал- id. 2) чув. ырă «хороший»; якут. ырās «чистый»; тюрк.: уйг. агіү, каз. арū «чистый, святой»; монг. агіүш «чистый» и т. д. Что же касается краткого *a, то он отражается во всех тюркских наречиях как a, монг. a, якут. a, чуваш. у.

В не первых, последующих слогах, в монгольском и в тюркск. наблюдается явление обратное соответствию монг. i = тюрк. a первого слога, а именно монг. a = тюрк. i ~ u.

Примеры:

1. Монг. sira «желтый»; тюрк. уйг. sarīγ id., осм. sarī id.
2. Монг. altan «золото»; тюрк.: уйг. altun id., все остальн. диал. алтын id.
3. Монг. dalai «море»; тюрк.: уйг. talui < *talii id.
4. Монг. aral «оглобля»; тюрк.: тоб., каз., крм. арыш «оглобля».

¹ Forstudier til Tyrk. Lydhistorie, p. 76.

5. Монг. *andaγar*, *andaγa* «клятва»; тюрк. уйг. *andīγ id.*, осм. *and id.*

6. Монг. *qataγu* «крепкий, жесткий»; тюрк.: орх., уйг. *qatīγ id.*, сарг., койб., кач. *кат'ыг id.*

7. Монг. *miqan* «мясо»; тюрк.: к. кир., кир. *мыкын* «бедро, мясо бедерное».

8. Монг. **qiraγan* > *kiraγa(n)* «красные полосы на заре»; тюрк. все диал. *кызыл* «красный».

9. Монг. *dulaγan* «теплый»; тюрк.: уйг. *yīlīγ id.*, лоб., кюар. *жылыг id.*

10. Монг. *sibar* «грязь, слякоть»; тюрк.: кирг. *сабыр* «распутица, слякоть».

Точно такое же соответствие наблюдается и между чувашским языком и тюркскими диалектами: чув. *а* = тюрк. *й* не первых слогов. Срв. след. примеры:

1. Чув. *сырлах* «сжалиться»; тюрк.: уйг., ком., каз. *yarliqa-* «смиловаться».

2. Чув. *ыраш* «рожь»; тюрк.: алт., тел., лоб., каз., крм. *арыш id.*

3. Чув. *ырат-* «болеть»; тюрк.: осм., крм. *аγir- id.*, *аγirt-* «причинять боль».

4. Чув. *сымарда* «яйцо»; тюрк.: алт., ад. *жымыртка id.*, осм. *жумурта id.*, шор. *ныбырка id.*

5. Чув. *сывар* «рот»; тюрк.: уйг. *аγiz id.*, осм. *аγiz id.*, др. диал. *абз, ус* и т. д.

Монгольский и чувашский языки в данном случае, как и во многих других, являются более консервативными, ибо в них неударенный **а* не первого слога сохраняется, в то время как в тюрк. диал. последний дал *ы*, или гласный неполного образования. Это еще лишний раз доказывает, что экспираторное ударение в языке было на первом слоге. Что же касается этого **а* непервого слога, то, быть может, он был краткий, т. е., **ă* или был особого качества, напр. **ẵ*.